Ромашева Ж.Ж.

Эмиграционные установки молодежи северных и южных регионов Казахстана в зависимости от индивидуальных ценностей

DOI 10.31162/2618-9569-2021-14-3-703-730

УДК 159.99

Original Paper

Оригинальная статья

Эмиграционные установки молодежи северных и южных регионов Казахстана в зависимости от индивидуальных ценностей

Ж.Ж. Ромашева^{1а}

¹Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация

^аORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8609-2676>, e-mail: zhanagul.rom@mail.ru

Резюме: Актуальность проблемы обусловлена отсутствием сравнительных исследований проблемы эмиграционных установок и их предикторов в разрезе культурных особенностей регионов Казахстана. В статье анализируется проведенное исследование, целью которого являлось сравнение выраженности эмиграционных установок, детерминируемых индивидуальными ценностями казахов в зависимости от региона проживания, и выдвигаются следующие гипотезы: 1. Степень выраженности эмиграционных установок у казахской молодежи северных регионов выше по сравнению с казахской молодежью южных регионов Казахстана; 2. Метаценности Сохранение и Самопреодоление более значимы для молодых людей Южного Казахстана (в сравнении с Северным Казахстаном); 3. Эмиграционные установки молодежи Северного Казахстана связаны с метаценностями Открытость изменениям и Самоутверждение; 4. Эмиграционные установки молодежи Южного Казахстана связаны с метаценностями Сохранение и Самопреодоление. К участникам исследования, среди которых молодые люди (N=364) в возрасте от 17 до 35 лет, в том числе 78% (285) женщин, применены такие методики, как «Шкала миграционных установок» (С.А. Кузнецова, И.Ю. Кузнецов, А.В. Фещенко), модифицированная в «Шкалу эмиграционных установок», позволяющая выявить степень выраженности эмиграционных установок; PVQ-21 – ESS7 версия опросника измерения индивидуальных ценностей (Ш. Шварц), направленная на изучение значимости ценностей, и метод множественного линейного регрессионного анализа, t-критерий Стьюдента. Выявлено, что у казахов северных регионов Казахстана (по сравнению с казахами Южного Казахстана) более выражены эмиграционные установки, выше значимость метаценности Самоутверждение, эмиграционные установки положительно связаны с метаценностью Открытость

Контент доступен под лицензией Creative Commons

Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

изменениям; у казахов Южного Казахстана (по сравнению с казахами Северного Казахстана) большую значимость имеет метаценность Сохранение, эмиграционные установки отрицательно связаны с метаценностью Самопреодоление; метаценность Самопреодоление одинаково значима как для казахов северных регионов, так и для казахов южных регионов; эмиграционные установки казахов и южных, и северных регионов отрицательно связаны с метаценностью Сохранение и положительно связаны с метаценностью Самоутверждение. Полученные результаты исследования могут быть использованы при прогнозировании миграционного поведения казахстанской молодежи, а также при реализации программы «Рухани жангыру – Модернизация общественного сознания» в Казахстане.

Ключевые слова: эмиграция; эмиграционная установка; ценности; метаценности; казахстанская молодежь; северный и южный Казахстан

Для цитирования: Ромашева Ж.Ж. Эмиграционные установки молодежи северных и южных регионов Казахстана в зависимости от индивидуальных ценностей. *Minbar. Islamic Studies*. 2021;14(3):703-730 DOI: 10.31162/2618-9569-2021-14-3-703-730

Благодарности: автор выражает огромную благодарность за помощь в сборе материала в регионах Казахстана коллегам: К.М. Ромашеву, К.Д. Алиханову, С.Ш. Уразову (Алматы), О.Ж. Отегулову (Нур-Султан), Э.М. Маукиной, А.Р. Рахматуллиной (Костанай), Н.У. Кулдашевой (Уральск).

Выражаю отдельную благодарность научному руководителю В.В. Гриценко за ценные советы при планировании исследования и за рекомендации по подготовке статьи к публикации.

Ромашева Ж.Ж.

Эмиграционные установки молодежи северных и южных регионов Казахстана в зависимости от индивидуальных ценностей

Emigration attitudes of young people in the northern and southern regions of Kazakhstan, depending on individual values

Zh.Zh. Romasheva^{1a}

¹*Moscow State Psychological and Pedagogical University, Moscow, the Russian Federation*

^a*ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8609-2676>, e-mail: zhanagul.rom@mail.ru*

Abstract: The relevance of the problem is caused with the lack of comparative studies on the problem of emigration attitudes and their predictors in the context of the cultural characteristics of Kazakhstan regions. The article analyzes the research conducted, the purpose of which was to compare the severity of emigration attitudes determined by the individual values of Kazakhs depending on the region of residence, and the following hypotheses are put forward: 1. The degree of expressing emigration attitudes among the Kazakh youth from the northern regions is higher compared to the same of the southern regions; 2. The meta-values of Preservation and Self-overcoming are more significant for the young people of Southern Kazakhstan (in comparison with Northern Kazakhstan); 3. The emigration attitudes of the youth in Northern Kazakhstan are associated with the meta-values of Willingness to change and Self-affirmation; 4. The emigration attitudes of the youth of Southern Kazakhstan are associated with the meta-values of Preservation and Self-Overcoming. The study participants, including young people (N=364) aged from 17 to 35, where 78% (285) is represented by women, were examined using such methods as the “Scale of migration attitudes” (S.A. Kuznetsova, I.Yu. Kuznetsov, A.V. Feshchenko), modified into the “Scale of emigration attitudes”, which allows to identify the degree of severity of emigration attitudes; PVQ-21-ESS7 that is the version of a questionnaire for measuring individual values (Sh. Schwartz), aimed at studying the significance of values, and the method of multiple linear regression analysis, the Student’s t-test. It is revealed that the Kazakhs of the northern regions of Kazakhstan (compared with the Kazakhs of Southern Kazakhstan) have more pronounced emigration attitudes, the importance of the Self-affirmation meta-value is higher, emigration attitudes are positively associated with the Willingness to change meta-value; among the Kazakhs of Southern Kazakhstan (in comparison with the Kazakhs of Northern Kazakhstan), the meta-value of Preservation is of great importance, emigration attitudes are negatively associated with the meta-value of Self-overcoming; the meta-value of Self-overcoming is equally significant for both the Kazakhs of the northern and the southern regions; emigration attitudes of the Kazakhs of both the southern and northern regions are negatively associated with the meta-value of Preservation and are positively associated with the meta-value of Self-Affirmation. The obtained research results can be used in forecasting the migration behavior of Kazakh youth, as well as in the process of realizing a program “Rukhani Zhangyru – Public Consciousness Modernization” in Kazakhstan.

Keywords: emigration; emigration attitude; values; meta-values; Kazakhstan youth; northern and southern Kazakhstan

For citation: Romasheva Zh.Zh. Emigration attitudes of young people in the Northern and Southern regions of Kazakhstan depending on individual values. *Minbar. Islamic Studies*. 2021;14(3):703-730 (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2021-14-3-703-730

Acknowledgements: The author expresses huge gratitude to his colleagues for their help in collecting material in the regions of Kazakhstan: to Romashev K.M., Alikhanov K.D., Urazov S.Sh. (Almaty), Otegulov O.Zh. (Nur-Sultan), Maukina E.M., Rakhmatullina A.R. (Kostanay), Kuldashева N.U. (Uralsk).

The author expresses special thanks to her scientific supervisor V.V. Gritsenko for valuable advice in planning a study and for recommendations on preparing the article for publication.

Введение

Актуальность исследования проблем эмиграционных процессов в последнее время обретает особую значимость среди ученых разных отраслей знаний, что связано с интеграцией и глобализацией в мировом пространстве. Анализируя социально-демографические характеристики потенциальных мигрантов, ученые сходятся во мнении, что планируют переезд, как правило, молодые люди, имеющие образование [1; 2; 3; 4], что подтверждается результатами исследования международной организации по миграции, согласно которым в 2019 году мигранты в возрасте от 20 до 30 лет составляли около 30% от общего числа (из 272 миллионов международных мигрантов) [5, с. 22]. Не остался в стороне от мировых процессов миграции и Казахстан. По данным Бюро национальной статистики Казахстана (БСН РК), в 2020 году страну покинули 29,1 тыс. жителей [6], в том числе 8183 человека (37,7%), которые имеют высшее образование. При этом наибольший отток населения наблюдается из Карагандинской области – 4106 человек, ВКО – 3868, Костанайской области – 3347, Павлодарской – 3170, СКО – 2352, Акмолинской – 1935. Наименьшей миграционной активностью отличаются жители южных регионов страны. Так, в 2020 году переехали за границу из Кызылординской области – 53, Туркестанской – 217, Мангистауской – 245, Атырауской – 256 человек [6]. Стоит отметить, что 42% потенциальных эмигрантов составляет молодежь Казахстана возрастной группы от 15 до 29 лет [7].

Несмотря на актуальность проблемы эмиграции казахстанской молодежи, в литературе практически отсутствуют исследования предикторов эмиг-

рационального поведения молодых людей. В свою очередь, пониманию мотивов эмиграции может способствовать изучение эмиграционных установок [8].

Эмиграционные установки

Прежде обратим внимание на тот факт, что под миграцией понимается территориальное перемещение как внутри страны, так и за ее пределы [9], из чего следует, что понятия «миграция» и «эмиграция» могут быть взаимозаменяемыми, а значит, и термин «эмиграционная установка» применим в отношении миграционной установки.

В исследовании мы опираемся на представление миграционной установки в качестве установочной системы [10; 11; 12], имеющей четырехкомпонентную структуру: познавательный (интеллектуальное восприятие объекта), аффективный (восприятие объекта посредством эмоций и чувств), интенциональный (намерение действовать относительно объекта) и конативный (исполнение действий в отношении объекта) компоненты [10; 11; 12]. В статье мы обращаемся к результатам исследований эмиграционных установок [10; 11; 12; 13] и намерений [1; 2; 3; 4], потому что эмиграционное намерение представляет собой значимый компонент эмиграционной установки, отражающейся не только в желании эмигрировать, но и в планировании смены места жительства, поиске работы, различной информации о стране прибытия, подготовке необходимых документов, изучении языка и другое. Иными словами, эмиграционное намерение понимается как «сознательное решение, выполняющее функцию планирования и побуждения поведения и деятельности» [14, с. 75], которое проявляется в волевых действиях по отношению к своей цели – миграции [10; 2; 11; 1] и обладает прогностической силой поведения человека [15].

Согласно С.А. Кузнецовой, миграционным установкам присущи такие характеристики, как свернутая полиобъектность и свернутая полисубъектность [10; 11; 12]. Свернутая полиобъектность выражается в том, что в качестве объекта эмиграционной установки определяется система, состоящая из актуального и потенциального мест проживания, сравниваемых друг с другом. Под свернутой полисубъектностью подразумевается влияние близкого окружения потенциального мигранта на его установки эмигрировать, выражающиеся, во-первых, в ожиданиях близких потенциального мигранта к его

эмиграции; во-вторых, в наличии у близких потенциального мигранта установок на эмиграцию.

На возникновение эмиграционных установок оказывают влияние различные факторы: социальный капитал [16; 17; 18; 19], наличие социальных связей [1; 18], субъективное благополучие [20; 21; 13], ценности [18; 19; 4; 13; 16], среди которых стоит обратить особое внимание на ценности, обладающие высокой прогностической силой [22] в отношении возникновения эмиграционных установок.

Как правило, реализацию своих целей и выражение ценностей люди находят на родине. Но если условия, ресурсы в родной стране не способствуют удовлетворению потребностей, достижению заветных целей, некоторые принимают решение о переезде за рубеж. Таким образом, мигранты уезжают за границу, стремясь выразить и защитить свои ценности.

Ценности как ядро культуры и предиктор эмиграционных установок

Данное исследование проведено с опорой на теорию индивидуальных ценностей Ш. Шварца [23; 24], нашедшую отражение в работах многих мыслителей [25; 4; 26; 27], согласно трактовке которых, ценности представляют собой ядро преобладающей культуры в обществе и, являясь главным ее элементом, определяют поведение человека [22].

На сегодняшний день казахстанскую культуру можно охарактеризовать как взаимодействие западной (индивидуализм, свобода, независимость) и восточной (традиционность, коллективизм, конформность, религиозность) цивилизаций [28]. Существование в Казахстане двух культур в большей мере продиктовано политикой советской власти, проводимой на территории Казахстана в период пребывания страны в составе СССР, когда и произошла русификация казахов, которая привела к распространению европейских ценностей среди казахов и изменению культурной идентичности казахского народа [28; 29]. Особенно это отразилось на населении приграничных с Россией северо-восточных районов Казахстана, которые мы условно обозначаем как северные регионы страны. Ф.М. Жармакина [29] предполагает, что нынешние культурные различия между жителями северных и южных регионов страны были заложены ранее, и связывает их с особенностями распространения ислама на территории Казахстана. Так, ислам быстрее и эффективнее внедрялся среди оседлых казахов южных регионов, а казахи северных регионов вели ко-

чевой образ жизни, что затрудняло процесс исламизации. Возможно, результатом этих исторических событий сегодня является, на наш взгляд, меньшая приверженность религии именно жителей Северного Казахстана [30, с. 95-96], что выражается и в их ценностях. Для жителей северных регионов присущи в большей мере европейские ценности [31], проявляющиеся в ориентированности на индивидуализм, открытости новому опыту, которые, согласно Ш. Шварцу, отражаются в метаценностях Открытость изменениям и Самоутверждение [22; 23] и коррелируются с установками на эмиграцию [25]. Доказано, что существенные перемены в жизни эмигранта, связанные с переездом за границу, способствуют реализации мотивационных целей, отражающих ценности Открытости изменениям. Выбирая страны с более благоприятной экономической ситуацией, потенциальные мигранты видят в эмиграции возможность улучшения своего финансового положения, повышения качества и уровня жизни, тем самым реализуя мотивационные цели, отражающие ценности Самоутверждения [1; 2; 4; 25].

В западных и южных районах страны (которые мы условно обозначаем как южные регионы Казахстана) превалирует центральноазиатская культура, представленная ценностями Сохранения, приверженностью традициям и обычаям, направленностью на групповую сплоченность, коллективизм и большей религиозностью [31; 30]. Основная часть верующих мусульман страны приходится на жителей Южного Казахстана, среди которых преобладающее большинство – молодые люди в возрасте 18–34 лет [30; 32]. Для религиозных людей наиболее важными представляются ценности Сохранения и Самопреодоления [33]. В свою очередь люди, приверженные религии, для которых значимыми выступают ценности Сохранения, менее ориентированы на эмиграцию [34; 35; 36]. Эмиграция предполагает смену места жительства, социального окружения, адаптацию к новым условиям жизни, культуре, что препятствует реализации мотивационных целей, отражающих ценности Сохранения [4; 25]. Данные о связи с эмиграционными установками метаценности Самопреодоления различны. Например, Н.В. Муращенкова [4] в своем исследовании обнаружила положительную связь намерений к эмиграции с метаценностью Самопреодоление, в то время как в исследовании Е. Тартаковского и Ш. Шварца [25] не было выявлено такой связи. Этот факт побуждает нас проверить наличие связи эмиграционных установок с метаценностью Самопреодоление на основе проведенной нами выборки.

Считаем, что для более точного понимания детерминант эмиграционных установок казахской молодежи, необходимо провести исследование с учетом преобладающей культуры в регионе.

Целью проводимого исследования является сравнение выраженности эмиграционных установок, детерминируемых индивидуальными ценностями казахов в зависимости от региона проживания. В работе выдвигаются следующие гипотезы:

1. Степень выраженности эмиграционных установок у казахской молодежи северных регионов выше по сравнению с казахской молодежью южных регионов Казахстана.
2. Метаценности Сохранение и Самопреодоление более значимы для молодых людей Южного Казахстана (в сравнении с Северным Казахстаном).
3. Эмиграционные установки молодежи Северного Казахстана связаны с метаценностями Открытость изменениям и Самоутверждение.
4. Эмиграционные установки молодежи Южного Казахстана связаны с метаценностями Сохранение и Самопреодоление.

Материалы и методы

Процедура. Анкетирование проводилось при помощи онлайн-инструмента Google Forms. В опросе принимали участие преимущественно студенты образовательных учреждений РК. Ссылка на прохождение опроса распространялась через электронную почту и социальные сети. Опрос проводился с декабря 2020 г. по июнь 2021 г.

Выборка. В исследовании приняли участие 364 человека Акмолинской, Актюбинской, Алматинской, Атырауской, Восточно-Казахстанской, Жамбылской, Западно-Казахстанской, Карагандинской, Костанайской, Кызылординской, Мангистауской, Павлодарской, Северо-Казахстанской, Туркестанской областей, из них 22 % (79) мужчин и 78 % (285) женщин, в возрасте от 17 до 35 лет. Средний возраст участников составляет 20,7 лет ($SD = 4,08$). Все респонденты идентифицировали себя казахами.

Методики. Индивидуальные ценности молодежи были изучены с помощью PVQ-21 – ESS7 версии опросника измерения индивидуальных ценностей Ш. Шварца, состоящего из 21 утверждения, характеризующего человека [37]. Опросник направлен на исследование 10 базовых ценностей. Оценивание степени сходства описаний человека в опроснике с респондентом

происходит с помощью 6-ти балльной шкалы, где 1 – «Совсем не похож», 6 – «Очень похож». Индекс ценностей подсчитывается путем вычитания от средних значений ответов на 21 вопрос средних значений баллов по двум (трем для универсализма) утверждениям и прибавления 4 [37]. Индекс метаценностей вычисляется из средних значений базовых ценностей: Сохранения (традиция, конформизм, безопасность); Открытости изменениям (самостоятельность, стимуляция, гедонизм); Самоутверждения (достижение, власть); Самопреодоления (универсализм, благожелательность).

Ниже представляем примеры утверждений и их согласованность:

«Для него/неё важно, чтобы с каждым человеком в мире обращались одинаково. Он/она убежден(а), что у всех должны быть равные возможности в жизни» – пункт ценности «Универсализм», из блока «Самопреодоление» ($\alpha = 0.88$).

«Для него/неё важно быть очень успешным. Он/она надеется, что люди признают его/её достижения» – пункт ценности «Достижение», из блока «Самоутверждение» ($\alpha = 0.83$).

«Он/она ищет любую возможность повеселиться. Для него/неё важно заниматься тем, что доставляет ему/ей удовольствие» – пункт ценности «Стимуляция», из блока «Открытость изменениям» ($\alpha = 0.97$).

«Для него/неё важно жить в безопасном окружении. Он/она избегает всего, что может угрожать его/её безопасности» – пункт ценности «Безопасность», из блока «Сохранение» ($\alpha = 0.83$).

Полученные высокие коэффициенты альфа Кронбаха демонстрируют нам достаточную согласованность утверждений.

Исследование эмиграционных установок произведено с помощью методики «Шкала миграционных установок» С.А. Кузнецовой, И.Ю. Кузнецова, А.В. Фещенко [11], модифицированной в «Шкалу эмиграционных установок». Согласованность утверждений проверена с помощью коэффициента альфа Кронбаха (представлены ниже). Методика состоит из 36 утверждений, описывающих отношение респондента к своему актуальному и потенциальному месту проживания и объединенных в 4 шкалы: установка субъекта, установка близких, ожидания близких и интегративная шкала «эмиграционная установка». Для оценки меры согласия с утверждениями применена симметричная лайкертова шкала (3210123), где 3 означает, что респондент полностью разделяет утверждение, 2 – вполне согласен с утверждением; 1 –

согласен с утверждением в малой степени; 0 – сомневается в выборе между утверждениями.

Значения по трем шкалам «установка субъекта», «установка близких», «ожидание близких» получены методом подсчета суммы баллов по утверждениям, соответствующим данным шкалам. Баллы по четвертой интегративной шкале «эмиграционная установка» получены с помощью вычисления суммы средних значений по трем вышеназванным шкалам.

Примеры утверждений:

«Я думаю, что для реализации моих целей и ценностей лучшим местом является Казахстан. – Для реализации моих целей и ценностей больше подходит другая страна»; шкала «Установка субъекта» ($\alpha = 0.94$).

«Для реализации целей и ценностей близких мне людей лучшим местом является Казахстан. – Для реализации целей и ценностей моих близких больше подходит другая страна»; шкала «Установка близких» ($\alpha = 0.90$).

«По мнению моих близких, для реализации моих целей и ценностей лучшим местом является Казахстан. – По мнению моих близких, для реализации моих целей и ценностей лучшим местом является другая страна»; шкала «Ожидания близких» ($\alpha = 0.92$).

Согласованность утверждений по интегративной шкале «эмиграционная установка» ($\alpha = 0.97$).

Обработка первичных данных производилась с помощью множественного линейного регрессионного анализа и t-критерия Стьюдента. Для математической обработки данных использовалось программное обеспечение программы IBM SPSS Statistics 26.00 Windows. Согласованность утверждений опросников была проверена с помощью коэффициента α -Кронбаха.

Результаты

Результаты исследования приведены ниже в таблицах 1 и 2.

Таблица 1. / Table 1.

Средние значения эмиграционной установки, ее компонентов и метаценностей (N = 364)

Average values of the emigration installation, its components and meta-values (N = 364)

Переменные	Казахи северного региона (N=193)			Казахи южного региона (N=171)			Уровень значимости
	M	SD	Ранг	M	SD	Ранг	
Установка субъекта	45,43	20,24	1	39,19	16,61	1	0,002
Установка близких	41,21	16,58	3	36,96	14,6	3	0,01
Ожидания близких	41,93	17,64	2	37,23	15,48	2	0,008
Эмиграционная установка	128,57	51,2		113,38	44,75		0,003
Метаценности							
Открытость изменениям	4,09	0,5	2	4,02	0,55	3	0,205
Сохранение	3,8	0,52	4	4,07	0,47	2	0,000
Самопреодоление	4,29	0,47	1	4,34	0,56	1	0,372
Самоутверждение	3,81	0,68	3	3,49	0,75	4	0,000

Выявлено, что у казахов северных регионов (в сравнении с казахами южных регионов) имеются более высокие показатели эмиграционной установки (128,57 – у казахов северных регионов и 113,38 – у казахов южных регионов) и ее компонентов. В то же время иерархия степени выраженности компонентов эмиграционной установки в обеих группах одинакова: наиболее выражен компонент «установка субъекта» (45,43 – у казахов севера и 39,19 – у казахов юга), далее – «ожидания близких» (соответственно 41,93 и 37,23), и наименее выражен компонент «установка близких» (41,21 против 36,96).

Для представителей обеих групп наиболее значима – метаценность Самопреодоление (4,29 – для казахов из северных регионов и 4,34 – для казахов из южных регионов); на втором месте по значимости у казахов северных регионов расположилась метаценность Открытость изменениям (4,09), у казахов южных регионов – метаценность Сохранение (4,07); на третьей позиции у северных казахов метаценность Самоутверждение (3,81), у южных казахов – метаценность Открытость изменениям (4,02), и наименее значимой для

казахов северных регионов оказалась метаценность Сохранение (3,8), для казахов южных регионов – метаценность Самоутверждение (3,49). При этом наблюдаются статистически достоверные различия в значимости метаценностей Сохранение и Самоутверждение между представителями вышеназванных групп.

Таблица 2. / Table 2.

Средние значения эмиграционных установок и их компонентов, метаценностей респондентов с учетом языка общения (N = 364)

Average values of emigration attitudes and its components, meta-values of respondents, taking into account the language of communication (N = 364)

Переменные	Казахи северного региона (N=193)					Казахи южного региона (N=171)				
	Казахоговорящие (N=57)		Русскоговорящие (N=136)			Казахоговорящие (N=132)		Русскоговорящие (N=39)		
	M	SD	M	SD	p	M	SD	M	SD	p
Установка субъекта	40,93	19,14	47,32	20,46	0,041	36,77	15,6	47,36	17,5	0,001
Установка близких	40,39	17,69	41,56	16,15	0,667	34,77	13,61	44,38	15,58	0,001
Ожидания близких	39,39	17,96	42,99	17,46	0,202	34,95	14,8	44,92	15,43	0,001
Эмиграционная установка	120,70	53,5	131,87	50,04	0,181	106,5	42,32	136,67	45,43	0,000
Метаценности										
Открытость изменениям	4,07	0,36	4,1	0,55	0,697	4,1	0,45	3,74	0,75	0,006
Сохранения	3,98	0,39	3,72	0,55	0,000	4,03	0,36	4,21	0,71	0,15
Самопреодоление	4,18	0,47	4,34	0,46	0,038	4,28	0,51	4,53	0,67	0,037
Самоутверждение	3,71	0,65	3,85	0,69	0,202	3,5	0,74	3,43	0,78	0,568

Преимущественный язык общения, будучи неотъемлемой и важной частью культуры, неразрывно связан с ценностями личности. Ввиду этого в имеющихся выборках нами выделены по две группы в зависимости от преобладающего языка общения: казахоговорящие и русскоговорящие.

Данные, представленные в табл. 2, свидетельствуют о наличии различий между казахоговорящими и русскоговорящими представителями обеих выборок. Так, у русскоговорящих казахов по сравнению с казахоговорящими казахами северного Казахстана более выражен компонент эмиграционной установки – установка субъекта (47,32 – у русскоговорящих против 40,93 – у казахоговорящих). У русскоговорящих молодых людей (в сравнении с казахоговорящими молодыми людьми южного Казахстана) наиболее выражены эмиграционная установка (соответственно 136,67 против 106,5) и ее компоненты: установка субъекта (47,36 против 36,77); установка близких (44,38 против 34,77); ожидания близких (44,92 против 34,95). Ценности Сохранения более значимы для казахоговорящих (3,98), чем для русскоговорящих (3,72) молодых людей северного региона страны, ценности же Самопреодоления, напротив, более значимы для русскоговорящих (4,34), чем для казахоговорящих (4,18) той же выборки. Казахоговорящие участники, в отличие от русскоговорящих представителей южных регионов страны, более ценят Открытость изменениям (4,1 против 3,74), а ценности Самопреодоления большую значимость имеют для русскоговорящих (4,53), чем для казахоговорящих представителей (4,28) того же региона.

Таблица 3. / Table 3.

Связь эмиграционных установок казахстанской молодежи с метаценностями

(N = 364)

The relationship of emigration attitudes of Kazakh youth with meta-values

(N = 364)

Независимые переменные	Зависимая переменная – эмиграционная установка					
	Казахи северных регионов (N=193)			Казахи южных регионов (N=171)		
	β			β		
	Казахоговорящие (N=57)	Русскоговорящие (N=136)	Вся выборка	Казахоговорящие (N=132)	Русскоговорящие (N=39)	Вся выборка

Метаценность	Откры-	0,091	0,232**	0,198**	0,047	0,365*	0,062
тость изменениям							
Метаценность	Сохра-	-0,283*	-0,303***	-0,307***	-0,191*	-0,396*	-0,200**
нения							
Метаценность	Само-	-0,106	-0,120	-0,099	-0,269**	-0,139	-0,164*
преодоления							
Метаценность	Самоут-	0,292*	0,166*	0,210**	0,287***	0,133	0,226**
верждения							
R				0,344			0,370
R2				0,118			0,137

Примечание: * $p < .05$; ** $p < .01$; *** $p < .001$, β – стандартизированные коэффициенты регрессии.

Результаты, отраженные в табл. 3, говорят о следующем: эмиграционные установки казахов северных регионов страны связаны с метаценностями Открытость изменениям (0,198), Сохранение (-0,307) и Самоутверждение (0,210). Обратим внимание, что связь установок на эмиграцию с метаценностью Открытость изменениям определена ценностями только русскоговорящих казахов северного региона (0,232).

Эмиграционные установки казахов южных регионов страны связаны с метаценностями Сохранение (-0,200), Самопреодоление (-0,164), Самоутверждение (0,226). При этом в связь установок с метаценностями Самопреодоление и Самоутверждение вносят вклад только ценности казахоговорящей молодежи южных регионов Казахстана. Стоит отметить, что метаценность Открытость изменениям русскоговорящей южноказахстанской молодежи (0,365) связана с эмиграционными установками.

Доля влияния метаценностей на эмиграционные установки больше в группе казахов из Южного региона и составляет 13,7 %, у казахов из Северного региона эта доля равна 11,8 %. Наибольший вклад в связь эмиграционных установок с метаценностями вносят: в выборке казахов Южного Казахстана – ценности Самоутверждения (0,226), в выборке казахов Северного Казахстана – ценности Сохранения (-0,307); меньший вклад вносят в выборке казахов Южного Казахстана – ценности Сохранения (-0,200), в выборке казахов Северного Казахстана – ценности Самоутверждения (0,210); наименьший вклад вносят в выборке казахов Южного Казахстана – ценности Самопреодоления

(-0,164), в выборке казахов Северного Казахстана – ценности Открытости изменениям (0,198).

Обсуждение

Различия в выраженности эмиграционных установок между казахами северных и южных регионов согласуются с данными исследования Бюро национальной статистики Казахстана [6], где северные казахи чаще высказывают желание переехать за пределы своей страны, подтверждая нашу первую гипотезу. В целом казахстанская молодежь, а именно русскоговорящая, независимо от региона проживания, планируя смену места жительства, в первую очередь, ориентируется на личные установки, представляющие один из компонентов эмиграционной установки. Язык, преимущественно используемый в общении, в некоторой степени определяет ценности человека. Известно, что русскоязычная молодежь Казахстана более привержена европейским ценностям индивидуализации, выражающимся в представлении своей жизни как результата личного планирования и принятия ответственности за собственные решения [38; 39; 40].

У казахов южной части страны (в сравнении с казахами северной части) наблюдаются различия в значимости метаценностей Самоутверждение и Сохранение. Для казахов Южного Казахстана более значимыми являются ценности Сохранения. Так, казахи южных регионов страны следуют обычаям и традициям, некой иерархизированности в отношениях, что проявляется в большей степени почитания старших, а также отличаются большей религиозностью [41; 42; 30]. В настоящее время среди казахской молодежи наблюдается рост верующих [30; 29; 42]. Примечательно, что в сравнении со старшим поколением, мусульманская молодежь больше придерживается религиозных норм, состоит в религиозных общинах, причисляет себя к верующим, происходит так называемое «омоложение» верующих [30; 32]. Обратившись к определению слова «ислам», мы видим, что само название отражает основные принципы и ценности религии. Так, «корень -слм– (са-ли-ма) в основе слова «ислам» включает в себя весь понятийный комплекс значений мира, сохранности, безопасности, спасения, здравости, благодати и чистоты, благополучия» [29, с. 13], что соответствует метаценностям Сохранение и Самопреодоление. Заметим, что для казахоязычных участников опроса, по сравнению с русскоязычными молодыми людьми северного Казахстана, более значимы-

ми оказались также ценности Сохранения, так как казахоязычное население страны более традиционно и придерживается ценностей центральноазиатской или восточной культуры. Напротив, ценности Самоутверждения более значимы для казахов северного Казахстана, что объясняется географическим положением региона, преобладанием русскоязычного населения и меньшей степенью религиозности северных казахов, в отличие от южных [30; 42]. Несомненно, граница с Россией на севере страны оказала влияние на смешение культур российского общества с казахстанским, что привело к трансформации ценностей казахов северного региона.

Находит частичное подтверждение и выдвинутая нами гипотеза о том, что метачценности Сохранение и Самопреодоление более значимы для молодых людей южного Казахстана. Важность ценностей Самопреодоления, выражающихся в заботе о близких, терпимости к окружающим людям и понимании их, выстраивании с ними позитивных отношений, что подтверждают данные других исследователей, согласно которым молодые люди на первый план ставят семью, родных, заботу о них [38; 41; 39; 42; 32], выделяют казахи не только южных, но и северных регионов. При этом на данные ценности в большей степени ориентируется русскоязычная молодежь.

У молодых людей северного Казахстана основной вклад в имеющуюся связь метачценности Открытость изменениям с эмиграционными установками вносят ценности русскоязычной молодежи региона. Эмиграционные установки русскоговорящих южного Казахстана также связаны с метачценностью Открытость изменениям. Вероятно, русскоговорящие молодые люди, ориентированные на автономность и независимость, реализацию переживаний сильных эмоций и чувств, стремление к новизне находят в смене места жительства за пределами своей республики.

Наблюдается отрицательная связь с эмиграционными установками метачценности Сохранение у всей казахской молодежи, независимо от региона проживания и использования в повседневном общении казахского или русского языка, что не в полной мере подтверждает нашу четвертую гипотезу. Молодые люди, придерживающиеся традиционных норм, обычаев казахского народа, следующие канонам религиозности, меньше выражают желания покинуть страну.

У казахов южных регионов страны наблюдается отрицательная связь эмиграционных установок с метачценностью Самопреодоление, обусловлен-

ная ценностями казахоязычной молодежи данного региона. Это говорит нам о возникновении эмиграционных установок у молодых людей, которые менее подвержены идеалистическому восприятию мира, заботящихся, в первую очередь, о собственных желаниях и потребностях, чем об интересах окружающих людей, менее религиозных. Религиозность часто выступает сдерживающим фактором от переезда за границу [34; 35; 36]. Так, истинный мусульманин, следуя канонам религии [33], прежде всего остается верным семье и ее традициям, важное значение придает родственным отношениям как с близкими родственниками, так и двоюродными братьями, сестрами, дядями и т.д., в приоритете верующего мусульманина стоят интересы близкого окружения, чаще старшего поколения, а не личные интересы.

Полученные результаты полностью подтвердили третью гипотезу о наличии связи эмиграционных установок с метаценностью Самоутверждение у казахов северных регионов. Помимо этого, была выявлена связь эмиграционных установок с метаценностью Самоутверждение и у казахов южных регионов. При этом имеющаяся связь в выборке казахов юга определена ценностями казахоговорящих. Возможно, молодежь посредством эмиграции желает улучшить свое материально-финансовое положение, повысить социальный статус и достичь личного успеха. Вероятно, казахоговорящие молодые люди южных регионов являются выходцами из сельской местности, которые чаще имеют более сильную мотивацию к достижению успеха. Так, для молодежи в селах не представляется возможным реализовать свой потенциал, и, перебравшись в города, при ограниченных стартовых условиях по сравнению с городской молодежью, выходцы из села стремятся продвинуться по социальной, карьерной лестнице, чаще всего не имея поддержки со стороны и полагаясь только на собственные знания и силы. Большинство представителей казахоговорящей молодежи считает своим долгом оказывать помощь родным [32], что также побуждает их к достижению финансового и материального благополучия, которое они обретают в условиях эмиграции.

Выводы

Результаты проведенного исследования частично подтверждают выдвинутые нами на основе теоретического анализа гипотезы и позволяют сделать следующие выводы:

Между казахской молодежью северных и южных регионов страны, русскоговорящими и казахоговорящими представителями имеются как сходства, так и различия в степени выраженности эмиграционных установок, значимости ценностей и связи ценностей с эмиграционными установками.

1. Сходство заключается в том, что для большинства молодых людей наиболее значимой оказалась метаценность Самопреодоление, мотивационной целью которой является поддержание благополучия окружающих. Эмиграционные установки казахской молодежи, независимо от региона проживания и используемого в повседневном общении языка, отрицательно связаны с метаценностью Сохранение и положительно связаны с метаценностью Самоутверждение, что подтверждает универсальный характер данной связи.

2. Различия состоят в том, что, во-первых, эмиграционные установки выражены в большей степени у молодых людей северных регионов Казахстана. При этом при планировании смены места жительства чаще всего ориентируется на собственные эмиграционные установки, чем на мнение окружающих, русскоговорящая казахская молодежь; для молодежи Южного Казахстана более важны ценности Сохранения, тогда как для молодежи Северного Казахстана – ценности Самоутверждения; эмиграционные установки молодежи северных регионов положительно связаны с ценностями Открытости изменениям, тогда как эмиграционные установки молодежи южных регионов отрицательно связаны с ценностями Самопреодоления.

Наблюдаемые различия между молодыми людьми Южного и Северного Казахстана, между русскоговорящими и казахоговорящими представителями страны свидетельствуют о том, что степень выраженности эмиграционных установок определяют базовые ценности личности, детерминированные преобладающей в регионе культурой (европейская – в северных, центрально-азиатская – в южных регионах страны). Язык общения как элемент культуры также предопределяет ценности человека и его эмиграционные установки.

Ограничением нашего исследования можно выделить неравномерность выборки по полу, где преобладающее большинство представляют девушки – 78% от общего числа респондентов.

В перспективе планируется исследовать влияние дополнительных факторов, таких как институциональное доверие, уровень субъективного благополучия, социальные сети, на обнаруженную связь эмиграционных установок с метаценностями.

Литература

1. Manchin M., Orazbayev S. Social networks and the intention to migrate. *World Development. Elsevier*. 2018;109(C):360–374.
2. Migali S., Scipioni M. Who's About to Leave? A Global Survey of Aspirations and Intentions to Migrate. *International Migration published by John Wiley & Sons Ltd on behalf of International Organization for Migration International Migration*. 2019;57(5):181–200.
3. Abdelwahed A., Goujon A., Jiang L. The Migration Intentions of Young Egyptians. *Sustainability*. 2020;12(23):1–38. DOI: 10.3390/su12239803.
4. Муращенкова Н.В. Взаимосвязь ценностей и эмиграционных намерений студенческой молодежи г. Смоленска. *Социальная психология и общество*. 2021;12(1):77–93. DOI: 10.17759/sps.2021120106.
5. McAuliffe M., Khadria B. *World Migration Report 2020*. International Organization for Migration. 2020. 498 p.
6. Кто уезжает из Казахстана: в прошлом году страну покинули около 30 тысяч человек. *Бюро национальной статистики Казахстана*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ratel.kz/raw/kto_uezzaet_iz_kazahstana_v_proshlom_godu_stranu_pokinuli_okolo_30_tysjach_chelovek#:~:text=По%20регионам.%20Казахстанцы%20из%20разных,256%20и%20Шымкента%20-%2020533 (дата обращения: 23.06.2021).
7. 42% молодых казахстанцев хотят уехать из страны. *Исследование Коммунистической народной партии Казахстана*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://forbes.kz/process/expertise/42_molodyih_kazahstantsev_hotyat_uehat_iz_stranyi (дата обращения: 23.06.2021).
8. Carling J. Measuring migration aspirations and related concepts. *Mignex Background Paper. PRIO. 2019*. [Electronic source]. Available at: <http://www.mignex.org/d023> (Accessed: 10.06.2021).
9. Рыбаковский Л.Л. К уточнению понятия «миграция населения». *Социологические исследования*. 2016;12(392):78–83.
10. Кузнецова С.А. Временные перспективы и миграционные установки магданских студентов на разных этапах обучения. *Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика*. 2018;15(1):67–78. DOI: 10.22363/2313-1683-2018-15-1-67-78.

11. Кузнецова С.А., Кузнецов И.Ю., Фещенко А.В. Разработка шкалы миграционных установок личности. *Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика*. 2014;1:83–90.

12. Кузнецова С.А. Влияние родителей на миграционные образовательные намерения старшеклассников. *European Social Science Journal*. 2017;5:529–537.

13. Льянов И.М., Верещагина М.В. Мотивы и мотивационные установки эмиграции граждан из России. *Образовательный вестник «Сознание»*. 2021;23(1):24–30. DOI: 10.26787/nydha-2686-6846-2021-23-1-24-30.

14. Джанашиа А.З. Основные подходы к определению намерения в современных психологических исследованиях. *Вестник МДУ им. А.А. Кулешова*. 2018;1(51):70–77.

15. Fishbein M., Ajzen I. *Predicting and changing behaviour: The reasoned action approach*. New York: Psychology Press; 2010. 180 p.

16. Liu Y., Pan Z. L., Liu, Y.Q., Chen H.S., Li Z.G. Where your heart belongs to shapes how you feel about yourself: Migration, social comparison and subjective well-being in China. *Population Space and Place*. 2020;26(6):1–22. DOI: 10.1002/psp.2336.

17. Schiele M. Life satisfaction and return migration: analysing the role of life satisfaction for migrant return intentions in Germany. *Journal of ethnic and migration studies*. 2021;47(1):110–129. DOI: 10.1080/1369183X.2020.1763786.

18. Akanle O., Fayehun O.A., Adejare G.S., Orobome O.A. International Migration, Kinship Networks and Social Capital in Southwestern Nigeria. *Journal of Borderlands Studies*. 2021;36(2):319–332. DOI: 10.1080/08865655.2019.1619475.

19. Tutu R.A., Busingye J.D. *Migration, Social Capital, and Health: Insights from Ghana and Uganda*. Cham: Springer; 2020, pp. 23–28. DOI: 10.1007/978-3-030-24693-8_2.

20. Fouarge D., Özer M.N., Seegers P. Personality traits, migration intentions and cultural distance. *Discussion paper series*. 2019;12444:1–38.

21. Van Dalen H.P., Henkens K. Explaining emigration intentions and behaviour in the Netherlands, 2005–2010. *Population Studies*. 2013;67:225–241. DOI: 10.1080/00324728.2012.725135.

22. Schwartz S.H., Bilsky W. Toward a theory of the universal content and structure of values: Extensions and cross-cultural replications. *Journal of personality and social psychology*. 1990;58(5):878–891.

23. Schwartz S.H. Les valeurs de base de la personne: Theory, mesures et applications. *Revue francaise de sociologie*. 2006;47:249–288.
24. Schwartz S.H., Cieciuch J., Vecchione M., Davidov E., Fischer R. et al. Refining the Theory of Basic Individual Values. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2012;103(4):663–688. DOI: 10.1037/a0029393.
25. Tartakovsky E., Schwartz S.H. Motivation for emigration, values, wellbeing, and identification among young Russian Jews. *International Journal of Psychology*. 2001;36(2):88–99.
26. Tartakovsky E., Patrakov E., Nikulina M. Factors affecting emigration intentions in the diaspora population: The case of Russian Jews. *International Journal of Intercultural Relations*. 2017;59:53–67. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2017.05.002.
27. Титов А.С., Лепшокова З.Х. Индивидуальные ценности предпринимателей как предикторы их планируемого благотворительного поведения. *Организационная психология*. 2020;10(3):140–163.
28. Узакова С.А. Особенности культурной самоидентификации в этнических казахских семьях. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Социология. Политология*. 2014;14(2):57–60.
29. Жармакина Ф.М. Роль религии в современной идентичности казахского народа. *Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки»*. 2017;2(14):13–18.
30. Бурова Е.Е., Шаукенова З.К., Косиченко А.Г., Амребаев А.М., Назарбетова А.К. и др. *Светскость и религия в современном Казахстане: модернизация духовно-культурных смыслов и стратегий: Коллективная монография*. Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК; 2020. 278 с.
31. Могунова М.В., Казиев С.Ш., Могунов С.В. Межэтнические браки в среде городских русских и казахов Северного Казахстана. *Вестник антропологии*. 2020;3(51):136–152. DOI: 10.33876/2311-0546/2020-51-3/136-152.
32. Қалиев Т.Б., Қайдарова Ә.С., Каримова Ж.К., Әшімханова Д.Ә., Мауль-шариф М.М. және т.б. «Қазақстан жастары – 2018» Ұлттық баяндамасы. *Национальный доклад «Молодежь Казахстана – 2018». National report «Youth of Kazakhstan – 2018»*. Астана, 2018. 410 б.
33. Шорохова В.А., Хухлаев О.Е., Дагбаева С.Б. Взаимосвязь ценностей и религиозной идентичности у школьников буддистского вероисповеда-

ния. *Культурно-историческая психология*. 2016;12(1):66–75. DOI: 10.17759/chp.2016120107.

34. Hoffman S., Marsiglia F.F. & Ayers S.L. Religiosity and Migration Aspirations among Mexican Youth. *Int. Migration & Integration*. 2015;16:173–186. DOI: 10.1007/s12134-014-0342-8

35. Gajdošová B., Orosová O. Vybrané psychologické faktory súvisiace s emigračnými zámermi trvalého odchodu vysokoškolákov do zahraničia. *Československá psychologie: časopis pro psychologickou teorii a praxis*. 2019;63(3):249–264.

36. Papastylianou D., Lampridis E. Social values priorities and orientation towards individualism and collectivism of Greek university students. *Journal of beliefs & values-studies in religion & education*. 2016;37(1):40–54. DOI: 10.1080/13617672.2016.1141528.

37. Магун В., Руднев М. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами. *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. 2008;1:33–58.

38. Калдыбаева О.В., Калдыбаев М.С. Традиции vs глобализация: ценностные ориентации населения современного Казахстана. *Безопасность в странах азиатского региона*. 2018;2:113–138.

39. Нарбут Н.П., Троцук И.В. Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ ценностных ориентаций. *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2018;18(1):131–155. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-131-155.

40. Ткачева Н.А., Баймухаметова Р.С. Ценностные ориентации казахстанской молодежи. *Историческая и социально-образовательная мысль*. Ч. 2. 2016;8(6):134–139. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-134-139.

41. Алимбекова Г.Т., Шабденова А.Ф., Лифанова Т.Ю. Уровень религиозности городских жителей Казахстана. *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2020;20(2):323–332.

42. Исмуханова Г., Шарипова Д., Туреханова Б., Ракишева Б., Насимова Г. и др. *Ценности казахстанского общества в социологическом измерении*. Алматы: Издательство «ТОО «DELUXE Printery»; 2020. 143 с.

References

1. Manchin M., Orazbayev S. Social networks and the intention to migrate. *World Development. Elsevier*. 2018;109(C):360–374.
2. Migali S., Scipioni M. Who's About to Leave? A Global Survey of Aspirations and Intentions to Migrate. *International Migration published by John Wiley & Sons Ltd on behalf of International Organization for Migration International Migration*. 2019;57(5):181–200.
3. Abdelwahed A., Goujon A., Jiang L. The Migration Intentions of Young Egyptians. *Sustainability*. 2020;12(23):1–38. DOI: 10.3390/su12239803
4. Murashchenkova N.V. Vzaimosvyaz' tsennostey i emigratsionnykh namereniy studencheskoy molodezhi g. Smolenska [Interrelation of Values and Emigration Intentions of Student Youth of Smolensk]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and society]. 2021;12(1):77–93. DOI: 10.17759/sps.2021120106 (In Russian)
5. McAuliffe M., Khadria V. *World Migration Report 2020*. International Organization for Migration. 2020. 498 p.
6. Kto uezzhaet iz Kazakhstana: v proshlom godu stranu pokinuli okolo 30 tysyach chelovek [Who is leaving Kazakhstan: about 30 thousand people left the country last year]. *Byuro natsional'noy statistiki Kazakhstana* [Bureau of National Statistics of Kazakhstan]. [Electronic source]. Available at: https://ratel.kz/raw/kto_uezzhaet_iz_kazahstana_v_proshlom_godu_stranu_pokinuli_okolo_30_tysyach_chelovek#:~:text=По%20регионам.%20Казахстанцы%20из%20разных,256%20и%20Шымкента%20–%20533 (Accessed: 23.06.2021). (In Russian)
7. 42% molodykh kazakhstantsev khotyat uekhat> iz strany [42% of young Kazakhstanis want to leave the country]. *Issledovanie Kommunisticheskoy narodnoy partii Kazakhstana* [A study by the Communist People's Party of Kazakhstan]. [Electronic source]. Available at: https://forbes.kz/process/expertise/42_molodyih_kazahstantsev_hotyat_uehat_iz_stranyi (Accessed 23.06.2021). (In Russian)
8. Carling J. Measuring migration aspirations and related concepts. *Mignex Background Paper. PRIO*. 2019. [Electronic source]. Available at: <http://www.mignex.org/d023> (Accessed: 10.06.2021).

9. Rybakovskij L.L. K utochneniyu ponyatiya “migratsiya naseleniya” [On specifying the notion of “population migration”]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 2016;12(392):78–83. (In Russian)

10. Kuznetsova S.A. Vremennye perspektivy i migratsionnye ustanovki magadanskikh studentov na raznykh etapakh obucheniya [Time Prospects and Migratory Attitudes of Magadan Students at Different Stages of Education]. *Vestnik RUDN. Seriya: Psikhologiya i pedagogika* [Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Psychology and Pedagogy]. 2018;15(1):67–78. DOI: 10.22363/2313-1683-2018-15-1-67-78 (In Russian)

11. Kuznetsova S.A., Kuznetsov I.Yu., Feshchenko A.V. Razrabotka shkaly migratsionnykh ustanovok lichnosti [Development of the scale of migration attitudes of an individual]. *Vestnik RUDN. Seriya: Psikhologiya i pedagogika* [Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Psychology and Pedagogy]. 2014;1:83–90. (In Russian)

12. Kuznetsova S.A. Vliyanie roditeley na migratsionnye obrazovatel’nye namereniya starsheklassnikov [Influence of parents on migratory educational intentions of senior pupils]. *European Social Science Journal*. 2017;5:529–537. (In Russian)

13. Lyanov I.M., Vereshchagina M.V. Motivy i motivatsionnye ustanovki emigratsii grazhdan iz Rossii [Motives and motivational attitudes of emigration of citizens from Russia]. *Obrazovatel’nyy vestnik “Soznanie”* [Educational bulletin “Consciousness”]. 2021;23(1):24–30. DOI.org/10.26787/nydha2686-6846-2021-23-1-24-30 (In Russian)

14. Dzhanashia A.Z. Osnovnyye podkhody k opredeleniyu namereniya v sovremennykh psikhologicheskikh issledovaniyakh [Basic approaches to the definition of intention in modern psychological research]. *Vestnik MDU im. A.A. Kuleshova* [Bulletin of Mogilev State A. Kuleshov University]. 2018;1(51):70–77. (In Russian)

15. Fishbein M., Ajzen I. *Predicting and changing behaviour: The reasoned action approach*. New York: Psychology Press; 2010. 180 p.

16. Liu Y., Pan Z. L., Liu, Y.Q., Chen H.S., Li Z.G. Where your heart belongs to shapes how you feel about yourself: Migration, social comparison and subjective well-being in China. *Population Space and Place*. 2020;26(6):1–22. DOI: 10.1002/psp.2336

17. Schiele M. Life satisfaction and return migration: analysing the role of life satisfaction for migrant return intentions in Germany. *Journal of ethnic and migration studies*. 2021;47(1):110–129. DOI: 10.1080/1369183X.2020.1763786
18. Akanle O., Fayehun O.A., Adejare G.S., Orobome O.A. International Migration, Kinship Networks and Social Capital in Southwestern Nigeria. *Journal of Borderlands Studies*. 2021;36(2):319–332. DOI: 10.1080/08865655.2019.1619475
19. Tutu R.A., Busingye J.D. *Migration, Social Capital, and Health: Insights from Ghana and Uganda*. Cham: Springer; 2020, pp. 23–28. DOI: 10.1007/978-3-030-24693-8_2
20. Fouarge D., Özer M.N., Seegers P. Personality traits, migration intentions and cultural distance. *Discussion paper series*. 2019;12444:1–38.
21. Van Dalen H.P. Henkens K. Explaining emigration intentions and behaviour in the Netherlands, 2005–2010. *Population Studies*. 2013;67:225–241. DOI: 10.1080/00324728.2012.725135
22. Schwartz S.H., Bilsky W. Toward a theory of the universal content and structure of values: Extensions and cross-cultural replications. *Journal of personality and social psychology*. 1990;58(5):878–891.
23. Schwartz S.H. Les valeurs de base de la personne: Theory, mesures et applications. *Revue française de sociologie*. 2006;47:249–288. (In French)
24. Schwartz S. H., Cieciuch J., Vecchione M., Davidov E., Fischer R. et al. Refining the Theory of Basic Individual Values. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2012;103(4):663–688. DOI: 10.1037/a0029393
25. Tartakovsky E., Schwartz S.H. Motivation for emigration, values, wellbeing, and identification among young Russian Jews. *International Journal of Psychology*. 2001;36(2):88–99.
26. Tartakovsky E., Patrakov E., Nikulina M. Factors affecting emigration intentions in the diaspora population: The case of Russian Jews. *International Journal of Intercultural Relations*. 2017;59:53–67. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2017.05.002
27. Titov A.S., Lepshokova Z.H. Individual'nye tsennosti predprinimateley kak prediktory ikh planiruemogo blagotvoritel'nogo povedeniya [Individual values of entrepreneurs as predictors of their planned charitable behavior]. *Organizatsionnaya psikhologiya* [Organizational psychology]. 2020;10(3):140–163. (In Russian)
28. Uzakova S.A. Osobennosti kul'turnoy samoidentifikatsii v etnicheskikh kazakhskikh sem'yakh [Features of Cultural self-Identification in ethnic Kazakh

Families]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Sotsiologiya. Politologiya* [Izvestiya of Saratov University. A new series. Sociology. Political science]. 2014;14(2):57–60. (In Russian)

29. Zharmakina F.M. Rol' religii v sovremennoy identichnosti kazakhskogo naroda [The role of the religion in modern identity of Kazakh people]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Istoricheskie nauki"* [Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"]. 2017;2(14):13–18. (In Russian)

30. Burova E.E., Shaukenova Z.K., Kosichenko A.G., Amrebaev A.M., Nazarbeto A. K. et al. *Svetkost' i religiya v sovremennom Kazakhstane: modernizatsiya dukhovno-kul'turnykh smyslov i strategiy: Kollektivnaya monografiya* [Secularism and religion in modern Kazakhstan: modernization of spiritual and cultural meanings and strategies: A collective monograph]. Almaty: Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies of the Science Committee of Kazakhstan Republic Ministry of Education and Science; 2020. 278 p. (In Russian)

31. Mogunova M.V., Kaziev S.S., Mogunov S.V. Mezhetnicheskie braki v srede gorodskikh russkikh i kazakhov Severnogo Kazakhstana [Inter-ethnic marriages among Russians and Kazakhs in the cities of northern Kazakhstan]. *Vestnik antropologii* [Bulletin of Anthropology]. 2020;3(51):136–152. DOI: 10.33876/2311-0546/2020-51-3/136-152 (In Russian)

32. Kǎliev T.B., Kaidarova A.S., Karimova Zh.K., Ashimhanova D.A., Maul'sharif M. M. et al. "Kazakstan zhastary – 2018" Ul'ttyk bayandamasy. *Nacional'nyj doklad "Molodezh' Kazakhstana – 2018"* ["Youth of Kazakhstan – 2018" National report]. Astana, 2018. 410 p.

33. Shorokhova V., Khuhlaev O., Dagbayeva S.B. Vzaimosvyaz' tsennostey i religioznoy identichnosti u shkol'nikov buddistskogo veroisповedaniya [Relationship between values and religious identity in Buddhist Adolescents]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology]. 2016;12(1):66–75. DOI: 10.17759/chp.2016120107 (In Russian)

34. Hoffman S., Marsiglia F.F. & Ayers S.L. Religiosity and Migration Aspirations among Mexican Youth. *Int. Migration & Integration*. 2015;16:173–186. DOI: 10.1007/s12134-014-0342-8

35. Gajdošová B., Orosová O. Vybrané psychologické faktory súvisiace s emigračnými zámermi trvalého odchodu vysokoškolákov do zahraničia. *Československá psychologie: časopis pro psychologickou teorii a praxis*. 2019;63(3):249–264. (In Slovenian)

36. Papastylianou D., Lampridis E. Social values priorities and orientation towards individualism and collectivism of Greek university students. *Journal of beliefs & values-studies in religion & education*. 2016;37(1):40–54. DOI: 10.1080/13617672.2016.1141528

37. Magun V., Rudnev M. Zhiznennye tsennosti rossiyskogo naseleniya: skhodstva i otlichiya v sravnenii s drugimi evropeyskimi stranami [The life values of the Russian Population: similarities and differences in comparison with other European countries]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannyye. Analiz. Diskussii* [Bulletin of public opinion Data. Analysis. Discussions]. 2008;1:33–58. (In Russian)

38. Kaldybayeva O.V., Kaldybayev M.S. Traditsii vs globalizatsiya: tsennostnye orientatsii naseleniya sovremennogo Kazakhstana [Traditions vs globalization: value orientations of the population of modern Kazakhstan]. *Bezopasnost' v stranakh aziatskogo regiona* [Society and security insights]. 2018;2:113–138. (In Russian)

39. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Sotsial'noe samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chekhii): sravnitel'nyy analiz tsennostnykh orientatsiy [The social well-being of the Postsocialist Countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech republic): comparative analysis of value orientations]. *Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology]. 2018;18(1):131–155. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-131-155. (In Russian)

40. Tkacheva N.A., Baymuhametova R.S. Tsennostnye orientatsii kazakhstanskoy molodezhi [Value orientations of Kazakhstan youth]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and Social Educational Ideas]. Part 2. 2016;8(6):134–139. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-134-139. (In Russian)

41. Alimbekova G.T., Shabdenova A.B., Lifanova, T.Yu. Uroven' religioznosti gorodskikh zhiteley Kazakhstana [Religiosity of the urban community in Kazakhstan]. *Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology]. 2020;20(2):323–332. (In Russian)

42. Ismuhanova G., Sharipova D., Turekhanova B., Rakisheva B., Nasimova G. et. al. *Tsennosti kazakhstanskogo obshchestva v sotsiologicheskom izmerenii* [Values of Kazakh society in sociological dimension]. Almaty: Publishing "House Limited Liability Partnership"; 2020. 143 p. (In Russian)

Информация об авторе

Ромашева Жанагуль Жумабековна, аспирант Московского государственного психолого-педагогического университета, г. Москва, Российская Федерация.

About the author

Romasheva Zh. Zhumabekovna, ostgraduate student of Moscow State Psychological and Pedagogical University, Moscow, the Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 18 июня 2021
Одобрена рецензентами: 21 июля 2021
Принята к публикации: 03 августа 2021

Article info

Received: June 18, 2021
Reviewed: July 21, 2021
Accepted: August 03, 2021